DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-78-85
УДК 81'44; 811.221.18

ОСЕТИНСКИЕ АСПЕКТУАЛЬНО-АКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ГЛАГОЛОВ РУССКИХ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ, РАССРЕДОТОЧЕННОСТИ, СУММАРНОСТИ

© Алина Левитская

OSSETIAN ASPECTUAL-ACTIONAL EQUIVALENTS OF RUSSIAN MODE OF ACTION VERBS (AKTIONSARTS) WITH THE VALUE OF DISTRIBUTION, DISSEMINATION, SUMMATION

Alina Levitskaya

The meanings of distributive repetition as one of the universal semantic types of repetition are represented in modern Russian by the verbs of distributive, cumulative, total, and excessive multiplicity modes of action (Aktionsarts), consistently characterized by different prefixes that introduce their own special actional shades. The study of Ossetian functional-translational correspondences to Russian verbs of the listed modes of action (Aktionsarts) reveals that the meanings of distributive repetitiveness of action are expressed in the modern Ossetian language by a group of multiplicative verbs, which include, along with the meaning of multiplicativity, the elements of distributive meanings. This is a certain part of repeated-reflexive Aktionsart multiplicative verbs, a part of the collective-multiact Aktionsart verbs, the verbs of the total-qualitative Aktionsarts, and also a huge layer of prefixed formations with *fæ-*, which, in combination with lexical, grammatical, and syntactic means, convey all actional nuances of the distributive nature of the action. It is this part of the Ossetian prefixed verbs that acts, first of all, as an equivalent of the meanings of summation, dispersion, distribution, cumulateness, effective totivity, excessive multiplicity, and totality, represented in the modern Russian language by the corresponding Aktionsarts. With a complete coincidence of universal aspectual-actional meanings, unique differences are revealed in the degree of obligation and frequency of expressing categorical meanings, as well as in the arrangement of idioethnic accents, reflecting mental characteristics of the linguistic picture of the world.

Keywords: actionality, collective repetition, distributiveness, cumulateness, totality, idioethnic.

Значения дистрибутивной неоднократности как одного из универсальных семантических типов неоднократности представлены в современном русском языке глаголами дистрибутивного, кумулятивного, тотального, чрезмерно-кратного способов действия (СД), последовательно характеризованных разными приставками, вносящими свои специальные акциональные оттенки. Исследование осетинских функционально-переводных соответствий русским глаголам перечисленных способов действия (Aktionsarts) обнаруживает, что значения дистрибутивной неоднократности действия выражаются в современном осетинском языке группой мультипликативных глаголов, включающих наряду со значением мультипликативности и элементы значений дистрибутивности. Это определенная часть многоактных глаголов повторно-возвратного СД, часть глаголов собирательно-многоактного СД, глаголы тотально-качественного СД, а также огромный пласт приставочных образований с *фæ-*, передающих в сочетании с лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами все акциональные оттенки дистрибутивного характера действия. Именно эта часть осетинских приставочных глаголов выступает, в первую очередь, эквивалентом значений суммарности, рассредоточенности, распределенности, кумулятивности, результативной тотивности, чрезмерной кратности, тотальности, представленных в современном русском языке соответствующими СД. При полном совпадении универсальных аспектуально-акциональных смыслов выявляются уникальные расхождения в степени обязательности и частотности выражения категориальных значений, а также в расстановке идиоэтнических акцентов, отражающих ментальные особенности языковой картины мира.

Ключевые слова: акциональность, собирательная неоднократность, дистрибутивность, кумулятивность, тотальность, идиоэтнический.

Изучение способов выражения значений дистрибутивности в современном осетинском языке как одного из семантических типов неоднократности, отражающей такое универсальное внеязыковое множество, как дистрибутив [Холодович, с. 16], позволило нам ранее установить, что разные варианты экспликации этого значения в осетинском языке представлены осетинскими глаголами определенных способов действия (СД). Так, например, значение распределенности / рассредоточенности / суммарности в комбинации с другими акциональными оттенками наблюдаем в части мультипликативных глаголов повторно-возвратного СД (*рабар-бабар* к.¹ / *перевешивать*; *равзæр-бавзæр* к. / *перевешивать*; *ракал-бакал* к. / *переливать*, *пересыпать*; *ранымæй-банымæй* к. / *пересчитывать*; *рахæс-бахæс* к. / *переносить*, *перетаскивать* и др.) [Левитская, 2019, с. 21–22], в части мультипликативных глаголов собирательно-многоактного СД и производных от них (*алыгтæ* к. / *перерезать*; *æрхæудытæ* к. / *попадать*; *дывыттытæ* к. / *разбрасывать*; *кæстытæ* к. / *оглядывать*; *нызылынтæ* к. / *покорезить* и др.) [Левитская, 2020, с. 106], особенно отчетливо это значение присутствует в осетинских приставочных глаголах с *фæ*- в функционально-переводных эквивалентах русских глаголов дистрибутивного СД, что отмечено и словарями современного осетинского языка, например²: *фæахсын* / *переловить* (217); *фæриссын* / *переболеть* (275); *фæтутæ* к. / *оплевать* (301); *фæхъуыды* к. / *обдумать* (317); *фæвзарын* (*фæ*- – вариант приставки *фæ*- при стяжении гласного приставки *æ*- и начального гласного корня *-æ*-) / *перебрать* (323); *фæсафын* / *распотрошить* (336) и др.

Продолжая исследовать данную группу осетинских приставочных глаголов в соотношении с их аспектуально-акциональными соответствиями в русском языке, обнаруживаем, что именно глаголы с приставкой *фæ*- передают разные оттенки пантивной суммарности, свойственные русским глаголам со значением дистрибутивности, кумулятивности, тотальности, чрезмерной кратности действия. Например: *Так поблагодарил он все организации и всех людей, которые помогли ему в формировании отрядов и подпольной сети* (32). – *Афтæ фæарфæтæ кодта организацитæн æмæ адамæн сеппæтæн, парти-*

занты балтæ æмæ сусæгæй кусджытæ сæвдз кæнынаг ын чи фæххуыс, уыдонæн (39)³ и др. (здесь и далее разрядка наша – А. Л.)

Объектно-дистрибутивное значение действия *поблагодарил* / *фæарфæтæ* к. подчеркивается специальными лексическими показателями: – *все организации и всех людей – организацитæн æмæ адамæн сеппæтæн*. Глагол *фæарфæтæ кодта* / *поблагодарил* образован от переходного предельного глагола *арфæ* к. / *благодарить* (буквально: ‘*делать благодарность*’). Множественное число именной части *арфæтæ* / *благодарности* составного глагола в роли сказуемого подчеркивает, что *благодарность* выражалась неоднократно и тем самым дополнительно указывает на множественность отдельных объектов действия, что является одним из признаков дистрибутивности. Приставка *фæ*- маркирует кратность действия, обозначенного глаголом совершенного вида, букв.: ‘*сделал поочередно благодарности всем организациям и всем людям*’.

Данный пример – полное подтверждение определения дистрибутивности как разновидности универсального семантического типа собирательной неоднократности [Храковский, с. 141–142].

Русским глаголам кумулятивно-дистрибутивного СД, в значение которого, кроме семы распределенности, входит еще и сема аккумуляции объектов (*понабрать*, *понаделать*, *поназвать* и т. д.), в осетинском языке тоже соответствуют приставочные глаголы с *фæ*-. Например: *И Вырикова, а потом Лядская <...> назвали всех комсомольцев и всех видных ребят, которые остались на «Первомайке» и в поселке Краснодон* (588). – *Æмæ сын фæдзыртой, «Первомайкæйы» æмæ Краснодоны поселчы чи баззад, уыцы фæскомцæдисонтæ, стæй иннæ зынгæ фæсивæды дæр иууылдæр* (750) и др.

В осетинском варианте глагол *фæдзыртой* ближе по значению русскому глаголу *поназывали*, который являет собой кумулятивную разновидность дистрибутивной неоднократности.

Русским глаголам со значением дистрибутивности, маркированной приставками *раз-* / *рас-*, тоже соответствуют осетинские приставочные глаголы с *фæ*-. Например:

Раздались крики, взвизгивания. Листовки расхватили (478). – *Сыхъуысти хъæртæ,*

¹ Здесь и далее к. – *кæнын* / ‘*делать*’, вспомогательный глагол в составных глаголах.

² Примеры из Осетинско-русского словаря в 4-х т. Т. 4. 2019 [Осетинско-русский словарь], в скобках указаны страницы словарных статей.

³ Здесь и далее примеры взяты из: Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М.: Худ. лит.-ра, 1970. 678 с. / Фадеев А. А. Ёрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с. Поэтому далее в скобках указываются только страницы.

хъыллыстытæ. Листовкæтыл фæхæлæф кодтой (608) и др.

Русские глаголы с приставкой *раз-* / *рас-* с дистрибутивным значением отличаются от глаголов с приставкой *пере-* тем, что подчеркивают не кратность действия и раздельность объектов, а признаки процессности и интенсивности. Более того, несколько глаголов с приставкой *раз-* / *рас-* М. А. Шелякин относит к итеративам процессно-длительного СД со значением «длительного и итеративного действия исходного глагола» [Шелякин, с. 84]. Следующие примеры подтверждают актуальность этого наблюдения М. А. Шелякина и для осетинского языка:

Я и Витя, мы всю ночь расклеивали её по городу. Это поручение от райкома партии (594). – *Æз æмæ Витя, мах æй æнæхъæн æхсæв фæныхæстæм горæты, партийы райкомы бабыгъдуанмæ гæсгæ* (757) и др.

В этом примере наблюдается переносное употребление формы ед. ч. местоимения *её* в значении местоимения множественного числа *их* (часть вместо целого: *её* / листовку в значении «их / листовки»). Существенный для выражения дистрибутивной акциональности нюанс: употребление дополнения в ед. ч., а не во мн. ч. тоже «работает» на идею обобщенности, не подчеркивает раздельности объектов, хотя понятно, что речь идет о совокупном актанте листовки (комментарий наш – А.Л.).

В русской версии высказывания наблюдаем обобщенно-фактический тип употребления НСВ в его ограниченно-кратной разновидности. Лексическим показателем ограниченной длительности кратного действия является обстоятельство *всю ночь* / *æнæхъæн æхсæв*. В осетинской версии в глаголе *фæныхæстæм*, употребленном в качестве функционально-переводной параллели русскому глаголу *расклеивали*, можно отметить те же, что и в русской версии, аспектуально-акциональные смыслы, а именно: дистрибутивный характер действия, его повторность, представленную как обобщенный факт, ограниченную длительность, монотемпоральность.

Сходство в аспектуально-акциональной семантике двух версий состоит и в том, что в каждой из них одновременно присутствуют значения длительности и итеративности действия, в русском языке ассоциированные с приставкой *рас-* и суффиксом *-ива-*, в осетинском – с приставкой *фæ-* (буквально: ‘*расклеивали листовки всю ночь и расклеили их по всему городу*’).

Не менее интересную комбинацию аспектуально-акциональных смыслов наблюдаем и в следующем примере:

Он вспомнил операцию по разгону скота и долго расспрашивал, как технически штаб извещал группу о предстоящей операции, как внутри группы ее руководитель извещал ребят и как они все сходились (523). – *Стурты ныппырх кæныны операци йæ æрдыл æрлæууыд, æмæ йæ бирæ фæфарста, операци уыдзæн, уый тыххæй штаб къордтæн куыд æгъдауæй фехъусын кодта, къордты хуылфы та разамонæг йæхæдæг куыд хъусын кодта фæсивæдæн æмæ куыд æрæмбырд сты* (667) и др.

В русской версии *он ... долго расспрашивал...* (о разных трех аспектах организации работы подпольщиков – А. Л.) указание на последовательное распределение действий позволяет представить действия как процессные или кратные, что обозначено не только приставкой *рас-*, но и употреблением (трижды!) придаточных изъяснительных предложений, выполняющих миссию совокупного раздельного актанта – объекта. Значение процессности подчеркнуто лексическим показателем *долго*, а значение повторности – суффиксом итеративности *-ива-*. В осетинском варианте глагол – в форме СВ, что позволяет выразить значение пантивной суммарности, характерное для глаголов с дистрибутивным значением, и подчеркнуть итоговые результаты действия, что тоже соответствует семантике СВ. В осетинской версии лексический показатель *бирæ* / *много* (ср. с русским: *долго*) актуализирует из двух значений русского итератива *расспрашивал* именно неограниченно-кратное, а преверб *фæ-* вносит дополнительное значение ограниченной длительности, которое в сознании носителей языка ассоциируется с этим превербом, как, впрочем, и значение кратности [Осетинско-русский словарь, т. 4, с. 215].

Следует отметить, что осетинские глаголы с приставкой *фæ-* соответствуют и глаголам с приставкой *с-* / *со-*, которые, по меткому замечанию В. С. Храковского, имеют в современном русском языке значение дистрибутивности: «Если считать дистрибутивными глаголами глаголы с приставкой *раз-* / *рас-*, обозначающими движение из точки по разным направлениям, – разлететься, разехаться, или каузацию такого движения – разогнать, развести, то, соответственно, следует считать дистрибутивными и глаголы с приставкой *с-*, которые обозначают движение в точки из разных направлений: слететься, съехаться, или каузацию такого движения: согнать, свести» [Храковский, с. 140]. Например:

Согнанные с родных мест, вновь возвращаются на родные места, ищущие таких мест, где их не знают, пробирающиеся через рубежи

фронта на свободную советскую землю... – они идут, идут, неисчислимые как песок... (305). – *Сæ райгуырæн бынаеттæй кæй фæтардтой* (букв.: ‘те, кого с огнали ...’), *фæстæмæ та сæ райгуырæн бынаеттæм чи здæхи, кæм сæ нæ зонынц, ахæм рæттæ чи агурьы, фронты арæнтыл сæрибар советон захмæ лæгæрдгæйæ – уыдон цæуыны, цæуыны, змисау æнæнымæц...* (382) и др.

Осетинский глагол СВ в форме прош. вр. *фæтардтой* / *согнали* соответствует русской глагольной форме – причастию прош. вр. СВ *согнанные*. И в русском, и в осетинском вариантах обозначены смыслы, характерные для глаголов со значением дистрибутивной суммарности, когда называется расчлененное действие, которое выполняется последовательно «по отношению ко многим объектам (или соотносительно со многими субъектами)» [Исаченко, с. 287].

Среди русских дистрибутивно-суммарных глаголов М. А. Шелякин отмечает глаголы с приставкой *о-* (*об-*) как содержащие «признак ограниченной распределительности» [Шелякин, с. 72]. И этим русским глаголам в осетинском переводе тоже соответствуют глаголы с приставкой *фæ-*. Например: *Все это он уже не раз обдумал наедине* (351). – *Уыдаеттæ септæмыл иу æмæ дыууæ хатты нæ фæхъуыды кодта иунагæй* (441) и др.

В осетинском варианте на множественность объектов указывает грамматическая форма дополнения *уыдаеттæ* / *они, те* – указательное местоимение *уый* / *тот* во множественном числе, букв.: *обо всех тех* (имплицитно ‘случившихся с ним событиях’), а сирконстанты *иу æмæ дыууæ хаты* / *не один и не два раза* указывают на кратность действия.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что русским глаголам со значением дистрибутивности, маркированной приставками *пере-*, *по-*, *раз-* / *рас-*, *о-/об-*, соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Как известно, в современном русском языке значения дистрибутивной неоднократности реализуются, наряду с глаголами дистрибутивно-суммарного СД, глаголами таких специально-результативных СД, как кумулятивный СД и тотальный СД, при более существенных отличиях между глаголами дистрибутивного СД и глаголами тотального СД. Ср.: *перемазать все скатерти* – дистрибутивный СД (указывается на распределенный характер действия); *измазать все скатерти* – тотальный СД (указывается на итоговый охват крайне интенсивным действием распределенного характера совокупности всех объектов или субъектов).

Специфика глаголов тотального СД, характеризованных приставками *из-* / *ис-* и *вы-*, заключается в том, что в предложениях с ними «обозначается такое множество повторяющихся ситуаций, которые в сумме затрагивают все части какого-либо реально единого актанта, но выступающего в данном случае как совокупность или конечное дистрибутивное множество своих квазиотдельных частей» [Храковский, с. 144].

Значение русских глаголов тотального СД в современном осетинском языке тоже передается приставочными глаголами с *фæ-*. Например:

Не забудьте, что мне сорок пять лет, я был моряком, я изъездил все страны мира, и я видел решительно все, что происходит на свете (361). – *Рох дæ ма уæд, цыппор фондз азы мыл кæй цæуы, уый, æз уыдтæн моряк, æз фæхаттæн аппæт дунейы бæстæмыл дæр, æмæ рухс дунейы цыдæриддæр цæуы, уыдон махи цæстытæй фæдтон!* (455) и др.

Глаголы тотального СД, как правило, соотносятся и в осетинском, и в русском языке с суммарно-интегративным значением СВ.

Особо наглядно выражено значение суммарной интегративности в тех осетинских версиях соответствия русским глаголам данного СД, которые представлены формами составных глаголов с именной частью во множественном числе. Например: *Был задет* (*задет* в значении «ранен») *не раз в атаке...* (629) – *Æз фæцæфтæ дæн ныббырсты* (803) и др. Здесь *фæцæфтæ дæн* / ‘был изранен, изранился’ – от глагола *фæцæф уæвын* / ‘быть раненым, получить ранение’ (*цæф* – ‘рана’, *цæфтæ* – ‘раны’).

Суммарно-интегративное значение воздействия на субъект подчеркивается формой множественного числа именной части составного глагола, то есть «*был ранен неоднократно не одной, а несколькими ранами*». В русском тексте значение неоднократности передается обстоятельством кратности действия «*не раз*», а в осетинском – приставкой *фæ-* в глаголе СВ.

Среди русских глаголов со значением пантивной суммарности действия, наряду с глаголами дистрибутивной и кумулятивной семантики, выделяются и глаголы чрезмерно-кратной семантики. Уточняя аспектуально-акциональную семантику глаголов данного СД, характеризованных приставкой *из-/ис-*, М. А. Шелякин отмечает, что «значение чрезмерно-кратных глаголов сводится к суммарному представлению чрезмерно-кратного проявления действия в связи с субъектно-отрицательной оценкой количества действия (измучиться, изголодаться, изолгаться)» [Шелякин, с. 80–81]. Нас в этих глаголах интересуют прежде всего семы пантивной сум-

марности и распределенного характера действия, позволяющие включить данные глаголы в зону русской дистрибутивной неоднократности, а также то, как эти нюансы акциональной семантики передаются средствами осетинского языка:

И душа моя изболится, гляючи на вас... (223) – Стæй удæй дæр фæрисдзынæн, сымахæ кæсгæйæ... (282) и др.

Русскому глаголу чрезмерно-кратного СД *изболится* соответствует осетинский глагол *фæрисдзынæн* – приставочное образование от глагола *риссын / болеть*. То есть и в этих случаях русским глаголам со значением чрезмерно-кратного СД соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-*.

Как отмечалось нами выше, в зоне дистрибутивной неоднократности в современном русском языке присутствуют и глаголы кумулятивного СД, характеризованные приставкой *на-*, со значением «достижения значительного количества одних и тех же результатов путем многократного осуществления действия исходного глагола... накосить (травы), настирать (белья), наделать (столов), надавать (книг) и др.» [Шелякин, с. 75].

Важно отметить, что значение русских глаголов кумулятивного СД тоже передают осетинские глаголы с приставкой *фæ-*. Например:

В комнате, где сидели хозяева, было душно: наносило жаром и чадом из кухни... (169) – Хæдзары хицæуттæ цы уаты бадтысты, уым уыди æнуд: кухнийæ сæм фæцыди тæвд æмæ тæф... (213) и др.

В русском варианте *наносило жаром и чадом* наблюдаем эллипсис родительного падежа существительного *духоты*, легко восстанавливаемого из контекста (...*было душно: духоты наносило жаром и чадом*), а также характерную для выражения значения кумулятивного СД трансформацию в безличную конструкцию с субъектом «в форме родительного партитивного: набежало (народу), нападало (листьев), навалило (снегу) и т. д.» [Зализняк, Шмелев, с. 114]. Значение многократного поступления в комнату *жара и чада из кухни*, выражаемого русским глаголом НСВ в неограниченно-кратном типе употребления *наносило*, передается одним из значений многозначного осетинского глагола СВ *фæцыди* ← *фæцæуын* / пойти, уйти, пройти ← *цæуын* / находиться в движении (в разных значениях): букв.: *пришли* (неоднократно) / *донесли* / *нанесли* (неоднократно) *жар и чад*.

Как известно, общерезультативный СД от предельных глаголов выступает в современном русском языке в нескольких вариантах. Один из них – результативно-тотивные глаголы с семантикой проявления целиком, сразу от начала до

конца, без частичного осуществления. «В них НСВ выражает не конкретно-процессное, а неограниченно-кратное значение: включать / включить, схватывать / схватить, брать / взять и др.» [Шелякин, с. 74]. В следующем примере мы наблюдаем именно такой, на наш взгляд, вариант употребления результативно-тотивного глагола *вставать / встать* в неограниченно-кратном значении, и, что характерно, его смысловым и аспектуально-акциональным эквивалентом выступает осетинский глагол с приставкой *фæ-*: *Степь без конца и без края тянулась на все концы света, тучные дымы пожаров вставали на горизонте... (53) – Лæгъз быдыры æнакæронæй айтыгъд алы ‘рдаем, арвæрæтты барзонд фæцыдысты сыгъды бæзджын фæздæджытæ... (66) и др.*

С точки зрения семантических особенностей, отличающих дистрибутивную неоднократность, главными являются две, и обе они присутствуют в данном примере: в каждой микроситуации из их распределенного множества присутствуют одни и те же (или почти одни и те же) участники; все микроситуации составляют одну монотемпоральную макроситуацию.

Примечательно также и то, что с позиции синтаксических особенностей предложений с дистрибутивными глаголами в них одну (как минимум!) позицию (актанта / сирконстанта) занимает предметное существительное во множ. ч., и такое существительное есть и в русской, и в осетинской версиях: *дымы / фæздæджытæ*. С учетом четкого указания на пространственно-ориентационную характеристику действия – *вставали на горизонте* – и способности осетинских провербов точно обозначать пространственно-ориентационные значения [Выдрин, с. 9] в данном контексте вполне мог быть употреблен глагол *сцыдысты / ссыдысты (сæуын / подниматься снизу вверх)*, но в таком случае теряется дополнительное указание на кратный характер действия. Вот почему в осетинской версии предпочтение отдано приставке *фæ-*, которая «работает» на ассоциации с кратностью и которая, кстати, свободна от пространственно-ориентационных значений (единственная из осетинских провербов!), но при этом вносит значение однонаправленности, достаточное для сохранения смысла. Это значение распределенной кратности действия в осетинском варианте включено в аспектуально-акциональный набор смыслов приставочного глагола СВ, то есть буквально: *высоко на горизонте встали* (неоднократно) *дымы...*

На способность некоторых других осетинских приставочных образований, например, с

приставкой *ра-*, выражать значение, близкое к значению русских глаголов дистрибутивного СД, обращал внимание Р. Л. Цаболов [Цаболов, с. 341]. Приставочные глаголы *равæрдтой / расставили, рамбырд кодтой / подобрали*, приведенные автором в качестве дистрибутивных, действительно, включают в свою семантику значение дистрибутивной неоднократности, однако это значение имеют и те глаголы, от которых они образованы: *равæрдтой (равæрын / расставить) ← æвæрын / расставлять; рамбырд кодтой (рамбырд кæнын / собрать, подобрать) ← æмбырд к. / собирать, подбирать*, как и другие предельные переходные глаголы, в семантике которых есть сема распределенного характера действия. Например: *равгæнын / перелить, пересыпать ← æвгæнын / переливать, пересыпать; райуарын / разделить, раздать ← уарын / делить, раздавать; ракардын / перекрыть, раскроить ← кæрдын / кроить, крошить; рассивын / собрать, сгрести ← ссивын / собирать, сгребать; рауидзын / поклевать (все зерна), собрать, подобрать (мелкие предметы) ← уидзын / клевать (зерна), собрать, подбирать (мелкие предметы) и др.* [Осетинско-русский словарь, т. 3. с. 459–511]. Присоединение приставки *ра-* вносит только значение достижения результата предела действия, поскольку приставочный глагол переходит в сферу СВ. Значение дистрибутивной суммарности не вносится данной приставкой, не ассоциируется в сознании носителя осетинского языка со значением распределенной кратности действия, что мы наблюдаем в различных вариантах употребления приставочных форм с *фæ-*, как правило, соответствующих аспектуально-акциональной нагрузке русских глаголов дистрибутивного СД, кумулятивного СД, тотального СД, чрезмерно-кратного СД и образующих поле дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке.

Таким образом, универсальный семантический тип дистрибутивной неоднократности представлен в современном осетинском языке рядом характеризованных способов действия. Это, прежде всего, глаголы с разными оттенками дистрибутивности, маркированными приставкой *фæ-*, выступающие аспектуально-акциональными параллелями русских глаголов определенных характеризованных СД – дистрибутивного, кумулятивного, тотального, чрезмерно-кратного. Это также глаголы тотально-качественного СД, маркированные приставкой *æр-* [Левитская, 2007, с. 103], и определенная часть осетинских мультипликативов, а именно некоторые глаголы повторно-возвратного СД, собирательно-многоактного СД, в которых, кроме значения много-

актности, присутствует и значение дистрибутивности. Эту часть мультипликативных глаголов мы выделили в качестве, так сказать, переходной (пограничной) зоны между мультипликативной и дистрибутивной неоднократностью – двумя разновидностями одного и того же семантического типа – собирательно-неоднократности. Данная группа «пограничных» значений подтверждает, что способы действия не отделяются друг от друга непроницаемыми «перегородками и не составляют звеньев единой стройной системы...» [Маслов, с. 188].

Эксплицирование в современном осетинском языке в сопоставлении с русским разных вариантов значения дистрибутивной неоднократности подтверждает, что «языковая модель мира определяется набором свойственных данному языку концептов» [Падучева, с. 15], которые различаются акцентами, отражающими особенности восприятия одной и той же ситуации объективной действительности. При очевидной универсальности разных акциональных оттенков дистрибутивной неоднократности их конкретные комбинации в сопоставляемых языках при обозначении одного и того же действия (процесса) заметно отличаются не только идиозмическими нюансами в аспектуальном содержании собственно глагольных форм, но и степенью участия дополнительных средств контекста в формировании общего аспектуально-акционального смысла высказывания, а также степенью обязательности и частотности выражения категориальных смыслов.

Список литературы

- Выдрин А. П. Превербь в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 9–15.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II. Братислава: Словацкая акад. наук, 1960. 577 с.
- Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиозмических факторов) // Вопросы языкознания. 2007, № 5, с. 89–107.
- Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2019. № 3. С. 21–33.

Левитская А. А. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 105–117.

Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–312.

Осетинско-русский словарь в 4-х т. Т. 3. Владикавказ: СОИГСИ РАН ВНИЦ, 2018. 720 с.; Т. 4. Владикавказ: СОИГСИ РАН ВНИЦ, 2019. 749 с.

Падучева Е. В. Русский императив: инвариант и частные значения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.

Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3.: Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1970. 679 с.

Фадеев А. А. Ёрыгон гварди. Дзæуджыхæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Ученые записки Ленинградского университета. 1946. № 69. Сер. Филологические науки. Вып. 10. С. 15–36.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 7-е изд. М.: URSS, 2017. С. 124–152.

Цаболов Р. Л. К истории осетинских превербов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX. С. 319–354.

Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 7-е изд. М.: URSS, 2017. С. 63–85.

References

Fadeev, A. A. (1953). *Ærygon gvardi* [The Young Guard]. 839 p. Dzæudzyhæu, Cægat Irystony chinguyty rauagdad. (In Ossetian)

Fadeev, A. A. (1970). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. V 7 t. Vol. 3. Molodaia gvardiia. 679 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Isachenko, A. V. (1960). *Grammaticheskii stroi Russkogo iazyka v sopostavlenii s Slovatskim* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with the Slovak Language]. 577 p. Ch. II. Bratislava. (In Russian)

Kholodovich, A. A. (1946). *Kategoriia mnozhestva v iaponskom v svete obshhei teorii mnozhestva v iazyke* [Category of the Set in Japanese in the Light of the General Theory of Set in the Language]. Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. No. 69. Ser. Filologicheskie nauki. Vyp. 10, pp. 15–36. (In Russian)

Khrakovskii, V. S. (2017). *Kratnost'* [Multiplicity]. Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie.

Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis. 7-e izd. Pp. 124–152. Moscow, URSS. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2007). *O vidovoi nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom iazyke (vlianie universal'nyh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Species Inconsistency in the Modern Ossetian Language (the influence of universal and idio-ethnic factors)]. Voprosy iazykoznanii, No. 5, pp. 89–107. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2019). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: povtorno-vozvratnyi sposob deistviia (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: A Repeatable Return Method of Action (Compared with the Russian Language)]. Izvestiia JuFU. Filologicheskie nauki. No 3, pp. 21–33. (In Russian)

Levitskaia, A. A. (2020). *Mul'tiplikativnye sposoby deistviia v sovremennom osetinskom iazyke: sobiratel'no-mnogoaktnyi SD i rezul'tativno-mnogoaktnyi SD (v sopostavlenii s russkim iazykom)* [Multiplicative Methods of Action in the Modern Ossetian Language: Collective-Multi-Act SD and Productive-Multi-Act SD (in comparison with the Russian language)]. Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena. No. 196, pp. 105–117. (In Russian)

Maslov, Ju. S. (1959). *Glagol'nyi vid v sovremennom bolgarskom literaturnom iazyke (znachenie i upotreblenie)* [Verb Form in the Modern Bulgarian Literary Language (Meaning and Use)]. Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo iazyka. Moscow, izd-vo AN SSSR, pp. 157–312. (In Russian)

Osetinsko-russkii slovar' (2018; 2019) [Ossetian-Russian Dictionary]. V 4-h t. Vol. 3. Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN. 720 p.; Vol. 4. Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN. 749 p. (In Ossetian, in Russian)

Paducheva, E. V. (2013). *Russkii imperativ: invariant i chastnye znacheniiia* [Russian Imperative: Invariant and Particular Values]. Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. No. 4, pp. 7–18. (In Russian)

Sheliakin, M. A. (2017). *Sposoby deistviia v pole limitativnosti* [Ways of Action in the Field of Limitativity]. Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis. 7-e izd. Pp. 63–85. Moscow, URSS. (In Russian)

Tsabolov, R. L. (1957). *K istorii osetinskih preverbov* [On the History of the Ossetian Preverbs]. Izvestiia Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Ordzhonikidze. Vol. XIX, pp. 319–354. (In Russian)

Vydrin, A. P. (2016). *Preverby v osetinskom iazyke: vzaimodeistvie s kategoriei vremeni* [Preverbs in the Ossetian Language: Interaction with the Category of Time]. Grammaticheskie kategorii v iazykakh mira: ierarhiia i vzaimodeistvie. Materialy dokladov. Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN. Pp. 9–15. St. Petersburg, Nestor-Nistory. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu* [Introduction to Russian Aspectology]. 226 p. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Левитская Алина Афакоевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
руководитель отдела культурного наследия,
Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания,
362025, РСО-Алания, Владикавказ,
Ватутина, 46.
54alina.levitskaya@gmail.com

Levitskaya Alina Afakoevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of the Cultural Heritage Department,
Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania,
46 Vatutin Str.,
Vladikavkaz, 362025, North Ossetia-Alania.
54alina.levitskaya@gmail.com